

Грамматическая часть книги Т. Текина заканчивается грамматическим индексом, за которым идут тексты пяти исследованных памятников в латинской транскрипции и их английский перевод. Книга снабжена очень тщательно и квалифицированно составленным «Глоссарием», за которым следует «Библиография».

Общее впечатление от книги Т. Текина остается самым благоприятным. Тюркологи получили обстоятельное систематическое описание грамматического строя основных орхонских рунических памятников. Книга Т. Текина обогащает также

тюркологию в части изучения орхонских памятников — новой транскрипцией⁷, новым истолкованием и новым переводом отдельных трудных мест исследуемых памятников, что дает ей право занять свое место в истории лингвистического изучения орхонских памятников.

А. Н. Кононов

⁷ Эта транскрипция, правда, не всегда обоснована — см. об этом рецензию Дж. Клоусона на рассматриваемую книгу Т. Текина («Bull. of the School of Oriental and African studies», XXXII, pt. 2, 1969, стр. 415—416).

С. Н. Ионов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории).—Ташкент, изд-во «Фан» УзССР, 1969. 204 стр.

Рецензируемая книга — самостоятельное монографическое исследование парадигм имени и глагола на материале одного из малоизученных и обширных памятников старотуркского языка XVII в., имеющих важное значение для воссоздания истории и исторической грамматики узбекского языка. Восполняя большой фактографический пробел в историческом изучении грамматических форм имени и глагола в узбекском языке, С. Н. Иванов предложил вниманию тюркологов во многом оригинальную их систематику.

Парадигмы имени и глагола эмпирически обстоятельно описаны во всех основных чертах на материале самых различных тюркских языков, однако теоретическим обобщением накопленных сведений грамматики занимаются все еще крайне мало. Поэтому результаты специальных исследований парадигматики имени и глагола продолжают оставаться в ряде случаев недостаточно согласованными между собой. По-видимому, именно это, как и собранные С. Н. Ивановым свежие фактические материалы, побудили исследователя взглянуть на эту насущную проблему тюркского языкознания по-новому и наметить свои пути решения ее.

Ставя эту проблему, С. Н. Иванов широко привлекает положения материалистической диалектики и диалектической логики и учитывает синтаксическую концепцию Потемкина. Систему грамматических форм, их значений и функций С. Н. Иванов предлагает рассмотреть в свете соотношения диалектических категорий предмета, свойства и отношения, в связи с чем он усматривает здесь такой изоморфизм: «грамматическая форма как нечто, имеющее отдельное бытие, представляет собой вещь, предмет (в философском смысле), обладающий определенными свойствами

(значения грамматической формы), которые проявляются в отношениях данной вещи (синтаксические функции грамматической формы)» (стр. 20). На этой основе С. Н. Иванов постулирует понятие субстанциональной грамматики. Сумму отношений любой формы он квалифицирует как систему ее значений, как ее сущность, обнаруживающую *протиповоречие* в отношении данной формы к самой себе. Такое толкование сущности грамматической формы С. Н. Иванов основывает на диалектическом учении о соотношении сущности и явления. Ссылаясь на положение В. И. Ленина о наличии противоречивых тенденций «...во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)»¹, С. Н. Иванов заключает, что значения каждой грамматической формы нельзя понимать иначе, как неизбежно противоречивую их двойственность и проводит эту идею через всю книгу (стр. 24 и сл.).

Исходя из этого, С. Н. Иванов намечает в принципе единый подход и к вопросу о многозначности грамматических категорий, и к проблеме их системности. При этом С. Н. Иванов замечает, что сложный вопрос о соотношении и иерархии отдельных значений полисемантических грамматических форм не может решаться путем умозрительного извлечения из каждого их значения некоего инварианта, будто бы объединяющего все частные значения, поскольку, согласно диалектической логике, общее по отношению к единичному представляет собой не абстрактный инвариант, как это получается по теории единого общего значения Р. Якобсона, а ту конкретную систему, в которую включено данное единичное и в рамках которой оно функционирует.

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1965, стр. 317.

Руководствуясь этими методологическими принципами, С. Н. Иванов характеризует парадигматику имени и глагола как систему значений каждой формы, как систему форм и значений в каждой грамматической категории, как систему грамматических категорий имени и глагола в отдельности и как соотношение этих двух систем. При этом каждую форму он рассматривает как средоточие противоречивых значений, связанных между собой и общими и противоречивыми сторонами, образующими систему.

Системное понимание парадигматики оказалось особенно плодотворным при осмыслении природы и соотношения грамматических форм имени. В I части книги (стр. 29—114) дана четкая грамматическая квалификация категорий числа, определенности/неопределенности, падежа и принадлежности. Обобщая результаты их раздельного описания, С. Н. Иванов приходит к выводу, что все эти категории взаимодействуют при выражении конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений. Это отражается в двойном противопоставлении форм числа (стр. 32—48), в разделении склонения на две группы падежей — выражающую взаимодействие конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений (основной, внимательный, родительный) и нейтральную к этим значениям (дательный, исходный, местный) (стр. 50—99), в противопоставлении аффиксов принадлежности всех трех лиц аффиксам 3-го лица в двух типах изафета — III и II (стр. 102—106, 112—113). Интересны наблюдения С. Н. Иванова над взаимодействием категорий числа и падежа, категорий падежа и принадлежности (стр. 182—183, 192—194).

Из всех грамматических категорий имени наиболее полно и тщательно охарактеризована в книге система падежей (см. стр. 51—55, 63—67, 70—72). Выявив противопоставленность двух групп падежей по выраженности в них взаимодействия конкретно-предметных и отвлеченно-предметных отношений, С. Н. Иванов устанавливает иерархию падежей по их индивидуальным значениям. Так, он прослеживает противопоставленность основного падежа (вне его противопоставления внимательному и дательному падежам), как падежа, выступающего в позиции подлежащего, всем остальным падежам и показывает его нейтральность в отношении противопоставления конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений (стр. 50—51, 97—98). В дательном, исходном и местном падежах С. Н. Иванов отмечает дифференцирующие их значения: в дательном — значение объекта «ответного» действия (наряду со значением направленности действия) (стр. 76—79), в исходном — значение обратной направленности действия (наряду со значением отложительности) (стр. 84—86). Такая интерпретация склонения в тюркских

языках позволила С. Н. Иванову показать все многообразие значений и функций падежей в стройной системе, объединяющей их между собой отношениями противопоставления.

Во II части рецензируемого труда, посвященной глаголу (стр. 115—174), предложена четкая систематизация категорий залога, времени и наклонения и лица в их взаимных связях. Здесь во многом свежа трактовка залога, в которой С. Н. Иванов усматривает противоречивую двойственность на том основании, что залоговые формы имеют лексико-грамматический характер. В этих формах С. Н. Иванов различает две функции: словообразовательную и грамматическую. В первой из них они рассматриваются как средство расширения объектных связей, во второй — как средство характеристики субъекта действия исходной основы (стр. 117—134). С. Н. Иванов прослеживает тесную связь между этими двумя их назначениями с учетом залоговых значений причастий (стр. 125, 127—130). Большое внимание уделяет он специфике соотношения залога с другими категориями глагола (стр. 183—185, 188—190).

Центральное место во второй части монографии занимает анализ категорий наклонения и времени. Многообразие временных форм староузбекского глагола рассмотрено в их взаимодействии, образующем систему противопоставлений. С. Н. Иванов выделяет два ряда противостоящих форм — настоящего-будущего времени и прошедшего времени, в пределах которых противопоставляются составляющие их формы по частным признакам. Так, характеризуя прошедшее категорическое время, он показывает, что в ряду прошедших времен прошедшее категорическое время различается по обозначению «компактного» нерасчлененного действия в прошлом, тогда как за пределами этого ряда оно выступает как форма с универсальным значением прошедшего времени вообще, по которому объединяются формы данного ряда и противопоставляются формам другого ряда (стр. 141—152). Три формы настоящего-будущего времени в противопоставлении друг другу дифференцируют значения настоящего и будущего времени, в то время как по отношению ко всем формам прошедшего времени функционировать, по мнению С. Н. Иванова, как недифференцированное настоящее-будущее время (стр. 138—141, 150—151).

Благодаря тому, что при грамматической квалификации объекта исследования С. Н. Иванов последовательно придерживается системного понимания, ему удалось, на наш взгляд, во многом по-новому осмыслить парадигматику узбекского имени и глагола, глубже вскрыть и обоснованно охарактеризовать природу каждой изученной им формы в отдельности и в их взаимных связях. Именно это состав-

ляет главное достоинство его монографии и выдвигает ее в разряд теоретических работ по тюркскому языкознанию. Предложенная С. Н. Ивановым теория грамматических значений в рамках многозначности парадигмы представляет, собственно, также и общелингвистический интерес.

Эта теория, как нам кажется, в принципе правомерна. Но с отдельными ее положениями трудно согласиться.

Взгляд на значения грамматической формы как на неизбежную противоречивую двойственность представляется надуманным, а попытка увязать его с диалектическим учением — явно схематичной. Все многообразие характера соотношения между значениями формы немисливо сводить только к дисгармонии и двойственности, да и вообще к какому-бы то ни было единому типу. Соотношение бывает здесь самым разным: оппозиция; иерархия во главе с одним ведущим значением; слабо выраженная связь, а то и отсутствие ее и т. п.

С. Н. Иванов преувеличивает в грамматических формах синтаксическое начало. По его мнению, их сущность состоит в синтаксических функциях, в которых реально проявляются значения, заложенные в этих формах как бы в потенции (стр. 20, 22). Такая точка зрения представляется правомерной лишь постольку, поскольку речь идет о синтаксически закрепленных формах, проявляющих свои значения исключительно по отношению к другим словам, которые взаимодействуют с ними, занимая определенную синтаксическую позицию. Такая точка зрения лишена основания в применении к формам, обслуживающим морфологию и не имеющим прямого отношения к синтагматике. Таковы, например, инфинитив на *-рак*, закрепленный за прилагательными как за частью речи, форма отрицания на *-ма* и формы времени глагола, предназначенные для уточнения самого содержания глагольной основы (а не слов, соотношенных с ней синтаксически). (Иное дело — формы собственно залогов, которые, бесспорно, являются синтаксически обуславливающими, хотя они и не закреплены за определенной синтаксической позицией, и некоторые формы собственно наклонений, например условного наклонения и отчасти императива, которые с полным основанием могут быть отнесены к числу синтаксически обуславливающих и закрепленных парадигм). Это — во-первых.

Во-вторых, синтаксически закрепленные парадигмы, будучи производными от синтаксических функций слова, воспринимаются и воссоздаются, очевидно, вне зависимости от своего происхождения и назначения именно как носители тех значений, которые за пределами самого синтаксиса лишаются смысла, а в полисемантических парадигмах и с точки зрения

своего формального выражения поставлены в полную зависимость от синтаксиса. Даже контекстно обусловленные частные значения парадигмы нередко осознаются как нечто характерное для нее самой. Условная поначалу связь между формой и ее производным значением, возникающим благодаря контексту, по мере употребления этой формы в ее новом значении постепенно превращается в устойчивую норму, и форма воспринимается уже как «законный» носитель этого значения (хотя эта связь на «законных» основаниях, т. е. формально, по-прежнему возникает только благодаря уникальным условиям реализации этой парадигмы). Это, помимо всего, вызвано общим режимом функционирования всякой значащей морфологической единицы в определенной системе, от которой только и зависит реальная природа этой единицы, хотя вхождение парадигмы в новое значение в эту систему и предопределяется ее происхождением, в нашем случае — уникальными условиями ее реализации. Ибо всякая инновация в значении слова и его формы либо принимается, либо отклоняется нормами языка, а впоследствии закрепляется и адаптируется в соответствующей морфологической системе вне зависимости от ее истории. Производное значение слова или морфемы, принятое в систему, адаптируется и выравнивается уже под ее воздействием, и это значение после адаптации вовсе необязательно должно совпадать с первоначальным. Система сама регулирует природу созданного с помощью синтаксиса значения. Многозначные формы в каждом из своих значений функционируют под контролем морфологической системы. Так что синтактизировать их, как это предлагает С. Н. Иванов, по-видимому, нет достаточных оснований.

Выделяя и квалифицируя некоторые частные лексически ограниченные значения дательного и местного падежей, отдельных форм залогов и времени, С. Н. Иванов мог бы более четко отграничить их от ведущих значений этих форм, проявляющихся независимо от характера лексического значения основы. Тогда противоречивость значений так называемого настоящего-будущего времени, повелительного и взаимного залогов, дательного и местного падежей могла бы быть объяснена взаимодействием собственно грамматического значения, выраженного соответствующей формой слова, с его лексическим значением. Например, судя по иллюстрациям, приведенным на стр. 139, можно было бы сделать вывод, что форма на *-а/-й* регулярно выражает значение ближайшего будущего времени лишь в глаголах типа *чык-* «выйти, пойти», *айт-* «сказать», выражающих законченное действие, или же в контексте типа *Таңда айртан, бир ай авга бараман* «Рано утром отправлюсь на охоту»; при отсут-

вии же этих ограничительных условий эта форма передает значение собственно настоящего времени, что для нее и является характерным.

Представляется в высшей степени спорным выделением форм дательного и местного падежей от имен типа *орта* «середина», *орин* «место», *йан* «сторона, бок», *ара* «промежуток», осложненных аффиксами принадлежности, в качестве так называемых послелогов-имен (стр. 94—96). Данные формы лексически тождественны с остальными словоформами тех же имен, а с точки зрения грамматической неразличимы от структуры, функций и значений тех же форм, образованных от остальных имен, обозначающих пространственные отношения. К тому же добрая половина образований, квалифицируемых С. Н. Ивановым как послелогов-имен, в одном и том же лексическом значении может быть употреблена и в постпозиции и самостоятельно, вне сочетания с предыдущим именем, что вовсе не свойственно послелогам: ср. *султаннинг алдына чыгып* «выйдя перед султаном» и *алдыма чыгып* «выйдя передо мной», *ордунун йанына келип* «подойдя к ставке» и *йаныга келип* «подойдя к тебе», *сувунун ортасыга* «в середину реки» и *ортабызга достлук бар арди* «между нами была дружба», где нет нарушения ни функций и значений показателей названных падежей и категории принадлежности, ни лексического тождества имен, осложненных этими показателями, следовательно, нет и оснований говорить об их превращении в послелог, тем более, что квалифицируемые формы в постпозиции выступают как замыкающий компонент изафета, т. е. как определяемое существительное.

Морфемосочетание *-урга* (стр. 75), выступающее как показатель целевого инфинитива, едва ли имеет прямое отношение к дательному падежу, из системы которого оно, судя по материалам уйгурского и татарского языков, выпало, вероятно, давно, во всяком случае до XVII в.

Субстантивацию причастий едва ли можно считать только окказиональным явлением и на этом основании отрицать ее, как это делает С. Н. Иванов (стр. 180). Если причастие регулярно выступает в синтаксических функциях собственно существительного и при этом на общих основаниях пользуется его парадигмами, то его соотносительность с собственно причастиями по форме едва ли может препятствовать его вхождению в состав существительных хотя бы на правах их аналога под воздействием грамматических норм.

Формы на *-гач* и *-гунча* выражают, видимо, относительное время, согласованное с временем последующего глагольного сказуемого (ср. стр. 154).

Форма *бошат-* «освободить» едва ли так монолитна, чтобы из нее нельзя было вычленить корневую морфему *боша* «освободиться» и аффикс каузатива *-т* (ср. стр. 131).

Исследование только выиграло бы, если бы лингвистическая литература по староузбекскому языку была привлечена шире, чем это сделано.

Тем не менее, монография С. Н. Иванова является крупным и ценным вкладом в теоретическое обобщение и генерализацию всего того, что сделано по данной теме применительно к тюркским языкам. Одновременно она полезна и как исследование по исторической грамматике узбекского языка.

А. А. Юдашев